

М. В. Михайлова

КНИГА ИЛИ ЭКРАН: КЛАССИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются роль и место чтения в семье. Одна из главных проблем современной семьи — ее атомарность, вызванная разрушением базовых структур семейной культуры и обилием технических средств, создающих для каждого из членов семьи собственное виртуальное пространство. Чтение рассматривается как опыт любви и свободы, как способ приобщения к культурной традиции и к социальной интеграции и как удовольствие. Культурные и педагогические эффекты работы с классическим текстом обосновываются его структурными и онтологическими свойствами.

Ключевые слова: семья, чтение, классический текст, телевидение, онтология, событие.

М. Mikhaylova

A BOOK OR A SCREEN: A CLASSICAL TEXT IN THE FAMILY RELATIONS STRUCTURE

The article deals with the phenomenon of family reading. One of the main problems of the modern family is its atomism caused by the destruction of fundamental structures of family culture and the invasion of different devices providing personal virtual space to every family member. Reading is represented as an experience of love and freedom, as a resource of incorporation in cultural tradition and of social integration and as a pleasure. Cultural and educational effects of the classical text are substantiated by its structural and ontological properties.

Keywords: family, reading, classical text, television, ontology, event.

Кризис семьи как симптом современности

Одна из главных проблем современной семьи — ее атомарность. Разрушение межличностных связей, характерное для нашего времени в целом, в значительной степени затрагивает и семейные отношения. Все чаще семья представляет собой форму совместного проживания людей, далеких

друг от друга по своим жизненным интересам и не находящихся в значимом общении. Наблюдаемый кризис семьи не в последнюю очередь обусловлен распадом тех базовых традиций и обычаев, которые прежде структурировали отношения в семье. Так, например, если раньше семья пусть и не всегда жила под одной крышей, но поддерживала, как правило, регулярные

и устойчивые связи — как личные, так и эпистолярные, то сегодня члены семьи могут жить на разных континентах, практически не встречаться и не поддерживать переписку. Если раньше семья как минимум дважды в день собиралась за столом, то сегодня даже вполне благополучные семьи редко встречаются в полном составе за семейным обедом: у каждого свое расписание, свои достаточно жесткие обязательства, которыми невозможно жертвовать ради семейной трапезы. Поскольку эти и многие другие структурирующие моменты (традиции, ритуалы, этикетные формулы) уходят под давлением сверхскоростей современной жизни, семейные отношения начинают подвергаться эрозии. Можно сказать, что ослабевание формообразующих структур семейной культуры приводит к разрушению семейных отношений как таковых.

Другая причина, приводящая к распаду семейных связей и атомизации семьи, — появление большого количества технических средств, которые позволяют не быть вместе, даже находясь в одном пространстве. В современном доме, как правило, несколько телевизоров и не один компьютер, у всех есть плеер и телефон, что позволяет каждому из членов семьи уединиться в собственном виртуальном пространстве, закрыв уши своими наушниками и устремив взгляд в свой экран. Даже те функции, которые прежде требовали личного участия (скажем, поддержание беседы во время трапезы, обучение ребенка и игра с ним, прием гостей), сегодня с успехом выполняют телевизор, компьютер и DVD-плеер.

Вопреки растущему материальному уровню, качество жизни в семье падает. Все чаще люди испытывают глубокое неудовлетворение, разочарование и горечь. Оказывается, что стиль действий и техническое оснащение, которые могут быть эффективны в производственной и деловой деятельности, в сфере семейных отношений не только неприменимы, но и разру-

шительны. Один из самых деструктивных предметов в семье — телевизор.

Психофизиология телевизионной зависимости

Когда разворачиваются дискуссии по поводу низкого качества телевизионных программ или их негативного воздействия на зрительскую аудиторию, как правило, звучит аргумент в защиту телевидения: «Вы свободны; не хотите — не смотрите». Исследования последних лет [5; 6; 10; 12; 16; 17] показывают, что свобода зрителя перед телевизионным экраном — иллюзия. Экран в силу своего физического устройства обладает особым принудительным воздействием. Телевизионное изображение состоит из стремительно меняющейся мозаики мерцающих точек различного цвета и яркости. Направленный на него человеческий глаз, будучи не в состоянии провести сканирование изображения при помощи аккомодационных движений, становится пассивным. Поток телевизионного излучения создает изображение на сетчатке без активного участия глаза (отсюда и застывший оцепеневший взгляд, характерный для телезрителя). Оцепенение распространяется на все тело: расход энергии при просмотре телевизора меньше, чем в состоянии покоя, замедляется обмен веществ и пульс, а мозг, по данным обследований, входит в сумеречное состояние, близкое к дремоте. При этом картинка на телеэкране постоянно меняется с огромной скоростью. Человек входит в своего рода гипнотический транс, и мозг его в этом режиме воспринимает чужие сновидения — ряд картинок на экране. Р. Пацлаф [12] сравнивает такой способ существования взгляда и мозга с марионеткой: застывший взгляд движется за камерой, как ведомый на ниточке. При этом у телезрителя сохраняется иллюзия собственной активности, ему кажется, что это он управляет своим вниманием. Исследователи отмечают, что телевидение дает огромные возможности для содержа-

тельного и в особенности эмоционального манипулирования, при этом поддерживая в людях иллюзию полной самостоятельности. На самом же деле, смысловое пространство, возникающее при просмотре аудиовизуальной продукции, не оставляет нам свободы. По выражению одного психолога, когда мы смотрим фильм, нас в символическом смысле нежно держат за затылок и осторожно поворачивают нашу голову, контролируя направление взгляда. К. С. Пигров сравнил состояние телезрителя с чтением книги из чужих рук: «Представьте себе, что вы приходите в библиотеку, вам книжку не выдают на дом, вам ее не дают в руки подержать. <...> Библиотекарь сам открывает и держит, и переворачивает страницы: читай... М. Михайлова: Это невозможно, я бы так не могла, наверное. К. Пигров: Библиотекарь держит книгу, сам переворачивает страницы, не всегда по твоей просьбе, кстати. Вот так обстоит дело с телевидением» [14]. Оруэлловский аромат этой картины помогает нам в острашении увидеть абсурдность телевидения, к которой мы настолько привыкли, что уже ее не замечаем. Только тогда, когда на экране появляется что-то или кто-то, лично нас глубоко интересующий, мы с досадой обращаем внимание на скользкую неуловимость камеры, которая лишает нас возможности рассматривать и видеть то, что мы хотим.

Установлено также, что телевидение вызывает физиологическую зависимость: резкая и внезапная смена изображений провоцирует выброс гормона кортизола, возникает потребность в нем, для чего необходимо по мере привыкания повышать интенсивность раздражителя (этим объясняется нарастание яркости и скорости смены кадров в современном телевидении, особенно в рекламных клипах). Таким образом, механизм воздействия телевизора тот же, что и у наркотиков: в организме вырабатывается потребность в определенном веществе. У людей, которые в по-

рядке эксперимента отказывались от просмотра телевизора на небольшой срок (от недели до месяца), часто наблюдались признаки абстинентного синдрома: повышенная агрессивность, тоска, подавленность. Некоторые участники, будучи не в силах вынести это состояние, отказывались продолжать опыты.

Существуют работы, в которых телевидение уподобляется предмету религиозного поклонения [18; 19]. Действительно, в жизни современного человека телевизор выполняет культовые функции. Вещательная политика телеканалов направлена на создание определенных ценностных иерархий и формирование определенного типа чувственности. Просмотр телепередач — один из главных ритуалов наших дней, в котором люди тщетно ищут избавления от скуки, пустоты и одиночества.

Обладая высокой привлекательностью, телевидение при этом оказывает разрушительное воздействие на сознание человека. Интеллектуальные способности ослабевают (исследования показали, что успеваемость детей в школе находится в обратной зависимости от объема телепросмотров). Эмоциональный фон становится все более неблагоприятным: одиночество и изоляция возрастает, человек все более негативно и деформированно воспринимает действительность, растет тревожность и агрессивность. Увеличивается также разрыв между социальными слоями: малоимущие и плохо образованные группы населения, испытывая потребность в забвении и развлечении, все больше подвергаются воздействию телевидения, которое разрушает их интеллект, волю, воображение, память и интуицию.

Ребенок перед экраном

Особенно опасно телевидение для маленьких детей. Поскольку у ребенка до 4 лет развитие мозга неразрывно связано с двигательной и осязательной активностью, наличие в его жизненном пространстве телеэкрана, продуцирующего большое число

быстро сменяющихся зрительных объектов, которые ребенок не в состоянии осознать, вызывает депривацию мозга. Упускается время, необходимое для формирования правильных структур мышления, замедляется естественный процесс развития, и ребенок вырастает психически и умственно недоразвитым. Исследования показали, что дети, которые с раннего возраста смотрели телевизор, испытывают большие трудности, если им предлагают нарисовать даже простой предмет — чашку, например. Это говорит о том, что у них подавлены воображение и память. Американские психологи Джером и Дороти Сингер [16] обратили внимание на то, что у детей, любящих смотреть телевизор, активность воображения и творческих способностей в игре намного ниже, чем у детей, которые воспитывались без телевизора и с раннего возраста слушали чтение взрослых.

Поскольку зависимость от телевизора складывается быстро и является устойчивой, сокращается и время, и внутренняя возможность для чтения. В развитых странах значительную часть населения составляют функционально неграмотные (люди, которые по окончании школы разучились читать и писать) и алитераты (те, кто умеет читать, но делает это только под давлением обстоятельств). В США в 1984 году первая группа составила 10% населения, а вторая — 44%. Исследователи чтения сформулировали так называемое «правило одной трети»: во многих странах на сегодняшний день треть народа любит и умеет читать, еще треть умеет, но к чтению вполне равнодушна, и еще треть составляют функционально неграмотные люди. Таким образом, лишь треть населения способна к образованию и письменной культуре.

Вслед за утратой письменного языка происходит беспрецедентная деградация устной речи. Отставание речевого развития обнаруживается у большого числа детей дошкольного и младшего школьного возраста в развитых странах. Например, в Ве-

ликобритании и Германии от 15 до 30% детей испытывают значительные трудности во владении устной речью. Недостаточное речевое развитие, в свою очередь, указывает на задержку развития психического, интеллектуального и социального.

Из вышесказанного следует, что семья, центром которой является телевизор, перестает исполнять свое предназначение, которое состоит в выстраивании жизненно важных отношений, в создании пространства притяжения и любви, необходимого для развития личности. Зачастую мы склонны рассматривать телевидение как неизбежное зло. Так, аннотация к упомянутой книге Д. Леммиш «Жертвы экрана» [6] гласит: «Можно попытаться полностью изолировать своего ребенка от «голубого экрана», однако, учитывая повсеместное распространение телевидения, это практически нереально». По существу, данное высказывание носит характер скрытой рекламы: нам предлагается поверить в то, что избежать влияния телевидения невозможно, а потому остается лишь искать способ минимизировать потери. Интересно, как ответственные родители отреагировали бы на такое заявление: «Можно попытаться полностью изолировать своего ребенка от употребления наркотических веществ, однако, учитывая повсеместное распространение наркотиков, это практически нереально?»

Действительно, факт широкого распространения телевидения мягко подталкивает нас не рассматривать его как источник повышенной опасности, несмотря на то что телевизионная зависимость — факт, доказанный многочисленными достоверными исследованиями. Иногда мы даже склонны выстраивать аргументацию, оправдывающую подверженность детей экрану. Так, автору в ходе обсуждения данной проблематики в сообществах педагогов и психологов приходилось встречаться с мнением, что у современного человека изменилась динамика восприятия, и ритм чтения не позволяет ему получить эмоцию в то время,

которое ему необходимо, поэтому чтение книги неизбежно представляется нынешним детям скучным занятием, а экран адекватен их внутренней скорости. Однако, по-видимому, дело обстоит строго наоборот: именно влияние экрана производит сбой нормальных механизмов чувственности, мы не замечаем, как они подвергаются форматированию, и воспринимаем искаженную психику, неспособную к сосредоточению, воображению и длительности переживания, как новую норму.

Создать альтернативу

Часто высказываемое утверждение о невозможности исключить телевидение из жизненной среды ребенка некорректно: ведь в первые годы жизни ребенок, как правило, воспитывается в домашнем кругу, и только от воли родителей зависит, предоставлять ли ему возможность сидеть перед экраном, или занимать время ребенка как-то иначе. До 4–7 лет ребенок, а с ним и остальные члены семьи, вполне может обойтись без телевизора. За это время произойдет правильное формирование основных функций мозга, ребенок приобретет первичные навыки активности, самостоятельного поведения и критического отношения к информации, на элементарном уровне научится игре и творчеству, у него сложится круг жизненных интересов, способных заполнять его время. За этим последует период, когда родители позволяют ребенку смотреть телевизор, но дозированно и — что еще более важно, чем ограничение времени просмотра, — совместно со взрослым. Это позволит постепенно сформировать осознанное отношение к передачам, научить ребенка правильно пользоваться телевидением, понимать язык камеры и прочитывать послания различных экранных текстов — от «мифологий» рекламы до художественного кино. И только затем, в подростковом возрасте, можно будет предоставить ребенку право смотреть телевизор, когда он захочет, предупредив о

возможных негативных последствиях. Таким образом, речь идет не о полном и безоговорочном запрете, но о том, что отношение к телевидению также входит в сферу воспитания.

Следует отметить, что ответственный подход родителей к воспитанию разумного отношения к телевидению вовсе не гарантирует хорошего результата, но это не означает, что родители должны оставить все усилия. Иногда подростковый негативизм детей заставляет нас думать, что все потеряно и воспитание не принесло желаемых плодов. Однако ребенок, у которого сформированы здоровые основы личности, имеет больше шансов миновать трудный возраст без потерь и в более зрелые годы вернуться к норме. Вспомним Робинзона Крузо, который без сожаления оставляет мещанский быт и размеренную жизнь ради романтики морских путешествий, а затем на необитаемом острове воспроизводит нормальный уклад жизни среднего англичанина. Иногда молодому человеку нужно отвергнуть родительские ценности, для того чтобы потом к ним свободно вернуться. Смирение семейной жизни заключается в том, что мы воспитываем детей в надежде на результат, но без гарантий, бескорыстно.

Даже если в семье уже сформировалась телевизионная зависимость, ситуация не безнадежна. Возможно создать привлекательную альтернативу, найти занятия, которые могли бы успешно структурировать свободное время. Если мы хотим освободить себя и своих детей от просмотра телевизора, нам придется потрудиться: находить возможности накапливать богатый чувственный опыт, разнообразно двигаться, искать музыкальные, художественные занятия, творческие игры, создавать ситуации общения, бывать на природе и учиться вниманию, созерцанию. В этом ряду занятий, структурирующих жизненную активность, важное место принадлежит чтению классической литературы.

Классика как выбор

Сегодня получила широкое распространение точка зрения на литературную классику, основанная на социологических теориях символического капитала и литературного поля П. Бурдьё. Классика представляется как корпус текстов, назначаемых властью и насильственно насаждаемых литературоцентристской системой образования, для того чтобы поддерживать в обществе определенный комплекс идеологем. Скучной и авторитарной классике противопоставляется массовая литература, отвечающая потребностям многомиллионной публики (предполагается, что последняя не отягощена эстетическими требованиями к словесности и не разделяет идеологию высокой литературы).

Другой подход к классике, основанный на философской герменевтике и онтологической эстетике и разделяемый автором, рассматривает классический канон как результат культурного осознания, сохраняющего образцовые тексты. С этой точки зрения классика предстает как один из механизмов культуры, гарантирующих, с одной стороны, непрерывность традиции, с другой стороны, постоянное возобновление стремления к совершенству, которое всякий раз достигается новыми художественными средствами. Текст приобретает статус классического, когда литературное совершенство подтверждается культурным отбором и устойчивым читательским интересом.

Конфликт изложенных теоретических подходов обнаруживает проблематичность современной культурной ситуации. Вопрос о классике оказывается вопросом о ценностях, иерархии, авторитете и в конечном счете сводится к вопросу о картине мира: социологический подход имеет в своем основании представление о мире как рынке (общество равных возможностей, конвертация любых ценностей и, более того, реальный в единый эквивалент, потребление как

основная жизненная стратегия), герменевтический подход основан на представлении о мире как пире (общество как иерархически устроенное целое, неповторимость и уникальность лиц и вещей, благодарение как основная жизненная стратегия).

Таким образом, выбор между представленными подходами к классике приобретает статус нравственного поступка. Он обнаруживает глубокую обоснованность персональным культурным и экзистенциальным опытом и — что важно в контексте нашего разговора — влечет за собой конкретные педагогические последствия. Если мы видим в чтении классики навязанную скучную обязанность, семейное чтение будет ориентировано на развлекательную массовую литературу (в лучшем случае; в худшем — книга будет вовсе исключена из круга жизненных интересов). Если мы рассматриваем классику как совершенную литературу, обладающую онтологической и культурной ценностью, классический текст предстанет как одно из оснований семейного воспитания.

Семейное чтение как опыт любви

Французский писатель и учитель литературы Даниэль Пеннак столкнулся с проблемой, знакомой многим родителям и всем преподавателям словесности: дети не хотят и не могут читать. Он написал об этом эссе [13], которое содержит ряд ценных рекомендаций, и главная из них состоит в том, что во всяком чтении заложена радость от возможности читать, а потому не следует превращать чтение в подотчетное принудительное занятие. Все маленькие дети, по верному наблюдению автора, любят слушать чтение, и одной из главных причин нелюбви к книге в подростковом возрасте он считает кризис отношений с родителями, культурную трещину между поколениями. Часто отношения между родителями и детьми разрушаются в школьные годы, когда ребенок резко переходит в

мир жестких, извне налагаемых обязательств. Чтобы дети полюбили книгу, надо долго (до тех пор, пока они сами не научатся свободно читать) и бескорыстно (не требуя пересказов, ответов на вопросы и выполнения прочих заданий) читать им вслух хорошие книги. Пеннак на собственном опыте убедился в том, что даже с подростками на уроках литературы стратегия чтения классики вслух приносит свои плоды.

Семейное чтение создает особую атмосферу доверительности и простоты. Когда родитель не доверяет чтение профессиональному актеру через аудиокнигу, а читает сам, он уделяет внимание и время ребенку, свидетельствуя тем самым свою любовь. Вечерний час, покой и тишина перед отходом ко сну — лучшее время для общения, а классический текст — лучший собеседник: нет таких жизненных ситуаций и проблем, которые нельзя было бы обсуждать на литературном материале. Хорошая книга позволяет ребенку раскрываться, не нарушая границ, родителю — делиться опытом, не впадая в назидательность. Таким образом, чтение может послужить хорошим средством построения или восстановления семейных отношений.

Семейное чтение как опыт свободы

Выше говорилось о том, что во время просмотра телевидения мы оказываемся в смысловом пространстве, которое не оставляет нам свободы. В определенной мере это относится к любой аудиовизуальной продукции. Когда я смотрю фильм, даже самый хороший, я нахожусь в сновидении, оказываюсь замороженным и загипнотизированным [9]. Конечно, теоретически можно прекратить просмотр или остановить его на какое-то время, заняться своими делами, потом вернуться. Однако специфика восприятия кино такова, что практически редко удается таким образом строить свои отношения с кинотекстом. Аудиовизуаль-

ный текст не предполагает такого дистанцирования. Равным образом, когда мы слушаем музыку, мы не делаем паузу в десять минут между частями концерта или симфонии. Для того чтобы художественное впечатление было целостным, оно должно быть непрерывным.

Процесс чтения устроен принципиально иначе. Конечно, восприятие литературного текста тоже предполагает последовательное развертывание смысла, и тем не менее, читая книгу, можно заглянуть в середину, прочесть главу с понравившимся названием, начать с конца. Мы легко можем в любой момент вернуться к тому месту, которое нам захотелось перечитать еще раз. Книга позволяет читателю оставаться в состоянии свободного разума, который работает с художественным материалом в своем темпе и своими методами. Насколько аудиовизуальная продукция физиологически и эмоционально захватывает и принуждает следовать путем логики, которую выстроил другой человек, настолько книга позволяет постоянно быть свободным. Словесный материал не только не ввергает в транс, напротив: для того чтобы словесный образ сложился в нашем сознании, требуется некоторое усилие мысли, памяти и воображения, которое может быть более или менее приятным, но в любом случае держит ум в состоянии актуальном, а не потенциальном. Книга — это инструмент выстраивания интеллектуального акта.

Лучшие результаты дает чтение классических текстов, поскольку они по своей структуре являются сложными, полифонически насыщенными и стройными высказываниями. Такая литература одновременно и несет в себе интеллектуальную норму, приобщая читателя к опыту завершенности разработанной мысли, представляя выстроенную картину мира, и инициирует свободу мышления, поскольку каждый текст является результатом уникального творческого акта.

Чтение как культурный опыт

Семейное чтение может быть квалифицировано как исполнение культурного долга, поскольку классический текст — наиболее адекватный инструмент коллективной памяти. Сегодня в нашей стране восстановление прерванной связи времен, обновление разрушенного историей XX века культурного пространства одними осознается как невыполнимая задача, за которую не стоит и браться, сосредоточившись на решении насущных вопросов в ожидании неотвратимо надвигающегося будущего, другими — как настоятельная необходимость и нравственный долг. Семейное чтение классических авторов — одно из самых простых и действенных средств исполнения этого долга. Можно говорить детям о русской истории и культуре, но намного эффективнее будет читать с ними Пушкина, Достоевского и Чехова, поскольку в этом случае произойдет конкретное приобщение к традиции. Человек, которому понятен юмор Гоголя и романтический пафос Лермонтова, на равных с читателями золотого века входит в русскую культуру, несмотря на то, что ему выпало жить в иные времена. Литература позволяет в прямом смысле усвоить, сделать частью собственной жизни те основания национального духа, которые трудно сформулировать и растолковать. Классический текст просто и надежно предоставляет нам возможность освоиться в сложном пространстве национальной и мировой культурной традиции.

Важно отметить, что вхождение в культурную традицию не только позволяет радоваться богатству раскрывающихся перед мысленным взором смыслов, но и дает новый смысл бытию самого созерцателя. Читатель, вступая в диалог с текстом, символически приобщается к лику бессмертных. Не только текст включается в наш жизненный мир, но и наша жизнь входит в измерения истории и вечности, к которым об-

ращена культура. Это ощущение причастности может быть более или менее осознанным, но в любом случае оно дает читателю позитивное переживание культурного фундамента, обоснованности его частной жизни мощной традицией и в конечном счете — принадлежности к метаисторическому сообществу читателей, к Братству Книги [11].

Чтение как социальный опыт

Важным достоинством семейного чтения является его доступность и демократичность. Сегодняшняя реальность такова, что культурные ценности оказываются дороги и недоступны не метафорически, а вполне конкретно, финансово. Не каждая семья даже в столичных городах может позволить себе в полном составе выйти в театр, на концерт или в музей, не говоря уже о провинциальных жителях. Но пойти в библиотеку и взять там хорошую книгу может каждый. Литература, помимо прочих сокрытых в ней красот и чудес, хороша еще и тем, что она демократична. Однажды на радио «Град Петров» в прямой эфир, посвященный дню рождения Пушкина, позвонила женщина и рассказала, что она родилась в деревне, и детство ее пришлось на военные годы. В маленькой школьной библиотеке было всего несколько десятков книжек, и одна из них — «Евгений Онегин». Она читала Пушкина в голодной военной русской деревне и не понимала ничего: что такое этот ресторан Talon, как они танцуют, что едят, — но это было так красиво, так чудесно написано, в этом была такая легкость и нежность, что она Пушкина полюбила на всю жизнь. Потом уже как-то его поняла. Это свидетельство столь же удивительно, сколь и не уникально. Многие люди могут рассказать о том, что именно через чтение они приобщились к ценностям, которые иначе в их жизнь никаким образом не могли бы войти.

Классический текст — это самое демократичное средство эстетического воспитания и приобщения к традиции, которое никому из нас ничего не стоит. В то же время чтение — это абсолютно аристократическая форма времяпрепровождения и занятия своего сознания, потому что классика всегда была уделом избранных. Когда чтение хорошей литературы становится частью семейного быта, это поднимает социальный статус семьи: уровень развития речи, культурный горизонт, зрелость мышления возрастают. В воспоминаниях русских эмигрантов первой волны часто говорится о том, что среди тяжелого быта и очень скромных условий жизни семейное чтение было и ежевечерним отдыхом, и средством сохранить свою национальную идентичность и чувство человеческого достоинства.

Чтение как радость

В реестр современного гедонизма чтение входит редко, и это понятно: ни общественная среда, ни школьное преподавание литературы не способствуют тому, чтобы детская радость от чтения сохранилась в человеке. Тем не менее при правильном подходе (снова обратимся к опыту Д. Пеннака) чтение на всю жизнь остается одним из величайших удовольствий. В музее Ахматовой в былые годы на Рождество вывешивался волшебный коврик с кармашками, на которых были написаны разные желания, а рядом с ним ставилась трехлитровая банка с фасолью. Каждый мог взять три фасолины и разложить их в кармашки с теми желаниями, которые ближе к сердцу. Несмотря на то, что имелись такие соблазнительные желания, как «Хочу кататься на лодочке по озеру с любимым при луне» или «Хочу очень много денег», кармашек с надписью «Хочу лежать на диване и читать Пушкина» был неизменно полон.

Речь идет не только и не столько об интеллектуальном наслаждении. Литература

обеспечивает нашу приватность. Каждый человек время от времени испытывает потребность побыть одному, с самим собой, но для этого недостаточно удалиться от людей. Как сказала раннехристианская подвижница амма Синклетика, «можно жить среди толпы и хранить внутреннее отшельничество, а можно жить одному и быть исполненным внутри суеты толпы»: чтобы одиночество было плодотворным, необходимо структурировать его, сообщить ему нужный вектор. Книга дает возможность полноценного уединения, покоя, умиротворения практически в любых условиях. Пеннак рассказывает, что во время службы в армии он охотно вызывался мыть туалеты, потому что, быстро завершив все необходимые работы, он получал возможность спокойно провести час-другой, сидя в надраенном до блеска сортире и читая хорошую книжку (в частности, он упоминает в кругу своего армейского чтения Гоголя — какой контрапункт!)

Гармонизирующая сила, заложенная в классическом тексте, оказывает благотворное воздействие на все существо читателя независимо от уровня его способностей к рефлексии и искушенности в литературе. Известны случаи, когда чтение любимой книги снимало болевой синдром, но много более важным представляется то, что классический текст помогает преодолевать душевную боль, которую современный человек нередко испытывает, сталкиваясь с бессмысленностью и тоской жизни.

С. С. Аверинцев убедительно говорил о том, что формальная выстроенность, упорядоченность текста, которая отсылает к целому миру, позволяет слышать человеческий голос в сопровождении «органного фона для этого голоса, "музыки сфер"», включает читателя в высший порядок бытия: «Классическая форма — это как небо, которое Андрей Болконский видит над полем сражения при Аустерлице. Она не то чтобы утешает, по крайней мере, в триви-

альном, переслащенном смысле; пожалуй, воздержимся даже и от слова "катарсис", как чересчур заезженного; она задает свою меру всеобщего, его контекст, — и тем выводит из тупика частного» [1, с. 410].

Онтология чтения

Рассмотренные выше плоды работы с классическим текстом (свобода, ощущение защищенности и любви, достоинство, чувства принадлежности к национальному сообществу и личного достоинства, наконец, экзистенциальная радость) оказываются возможны в силу того, что текст обладает особыми онтологическими, структурными и коммуникативными свойствами.

Выше уже говорилось о том, что классическим автор считает совершенный текст, признанный в качестве такового культурной традицией и существующий в качестве актуального чтения для достаточно широкого читательского сообщества. Признак совершенства, таким образом, становится определяющим. Совершенство художественного текста понималось различно (см., например, [1; 2; 3; 7; 8]), но в целом эксперты склонны выделять два критерия образцового текста: его коммуникативную насыщенность, когда, по слову Ю. М. Лотмана, совершенный текст обнаруживает свойства самовозрастающего Логоса, т. е. его смысловая емкость с учетом потенциально бесконечного числа рецептов тяготеет к бесконечности, и онтологическую полноценность. Первое свойство достаточно полно и глубоко рассмотрено русским и французским структурализмом и рецептивной эстетикой. Что до онтологической составляющей совершенства, она не была тематизирована в философской литературе и должна стать предметом специального рассмотрения.

С точки зрения онтологической эстетики в совершенном тексте усматривается структура события: он обнаруживает свойства присутствия, встречи, благодарения.

Эстетика присутствия, разрабатываемая Х. У. Гумбрехтом [4], различает два возможных подхода к эстетическим предметам: с точки зрения значения и с точки зрения присутствия. Первому подходу соответствуют семиотические, структуралистские и постструктуралистские стратегии, которые актуализируют знаковый аспект художественного текста. Что до стратегий присутствия, их Гумбрехт обосновывает с опорой на М. Хайдеггера (прежде всего на его работу «Исток художественного творения») как неклассическую аналитику эстетического переживания, понимаемого как момент особой интенсивности, изысканности человека, переживающего эстетический опыт, из привычного порядка вещей и открытости к бытию. Очевидно, что литературный классический текст, будучи, по определению, во-первых, бесцельным (согласно Б. В. Томашевскому, «литература — самоценная речь»), во-вторых, умозрительным (в отличие от других искусств, природа языка как материала такова, что прямо обращается к уму, а уже затем опосредованно через ресурс памяти и воображения — к чувствам), идеален для производства присутствия.

Классический текст возможно рассматривать как встречу, поскольку конфигурация (в терминологии П. Рикера [15]) текста всегда раскрыта в двух направлениях: к префигурации, авторскому экзистенциальному опыту, который повлек за собой событие письма, и к рефигурации — читательскому следованию за автором в событии чтения, когда послание одного человека становится фактом внутренней жизни другого.

Наконец, евхаристическая, благодарственная составляющая события текста связана с тем, что он позволяет нам заново пережить мир как данность и как дар: слово литературы не имеет иного предназначения, кроме гимнического. Совершенный текст — чистое созерцание мира как дан-

ности. Заметим, что это вовсе не означает эйфорического предпочтения красивого и гармоничного в качестве темы, сюжета, персонажа и проч.: возвращаясь к мысли Аверинцева, именно внутренняя энергия текстовой структуры позволяет преодолевать пошлость и ужас повседневности и делать их предметом литературной речи. Это созерцание совершается в модусе благодарения за дар жизни. Даже когда Пушкин пишет «Дар напрасный, дар случайный» или Кафка — «Процесс», речь идет тем не менее о переживании мира и собственного присутствия в нем как неразрешимой тайны, как события, которое может быть бесконечно трагичным, но от этого лишь возрастает его значимость.

Поскольку мы ведем речь не просто о совершенном, но о классическом (маркированном традицией) тексте, онтологически насыщенное событие оказывается, к тому же, разомкнутым в национальное бытие, о чем, впрочем, уже говорилось отчас-

ти в связи с рассмотрением чтения как культурного опыта.

«За мной, мой читатель!»

Возвращаясь к исходной дилемме книги и экрана и к проблематике современной семьи, хотелось бы подчеркнуть, что мощь онтологического и культурного ресурса, сокрытого в классическом тексте, усиливается его демократичностью и доступностью. Именно поэтому, с нашей точки зрения, совместное чтение классики может быть настоятельно рекомендовано как необходимый элемент структурирования семейного времени. При всей своей простоте и минимализме это занятие тем не менее требует больших вложений душевной энергии и почти непосильных для современного человека неторопливости и постоянства, но эти затраты непременно будут компенсированы возвратом теплоты и осмысленности в семейные отношения и ростом качества жизни каждого из членов семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Ритм как теодицея // Связь времен. Киев, 2005.
2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М., 2006.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
6. Лемши Д. Жертвы экрана: Влияние телевидения на развитие детей. М., 2007.
7. Лишаев С. А. Эстетика Другого. СПб., 2008.
8. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992.
9. Мазин В. А. Сновидения кино и психоанализа. СПб., 2007.
10. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2002.
11. Михайлова М. В. Братство Книги // Эстетика и этика в изменяющемся мире. СПб., 2009.
12. Пацлаф Р. Застывший взгляд: физиологическое воздействие телевидения на развитие детей. М., 2003.
13. Пеннак Д. Как роман. М., 2005.
14. Пигров К. С., Михайлова М. В. Философия телевидения // Сайт радио «Град Петров»: Архив лучших передач. URL: <http://www.grad-petrov.ru/archive.phtml?subj=17> (дата обращения 21.02.2011).
15. Рикер П. Время и рассказ. М.; СПб., 1999.
16. Сингер Дж. и Д. Игра со всех сторон. М., 2003.
17. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. М., 2002.
18. Gerbner G., Gross L. Living with Television: The Violence Profile // Journal of Communication. 1976. № 26.
19. Thomas G. Medien — Ritual — Religion: Zur religiösen Funktion des Fernsehens. Frankfurt/M., 1998.

REFERENCES

1. *Averintsev S. S.* Ritm kak teoditseja // Svjaz' vremen. Kiev, 2005.
2. *Bahtin M. M.* Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve // Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
3. *Gadamer G. G.* Aktual'nost' prekrasnogo. M., 1991.
4. *Gumbrecht H. U.* Proizvodstvo prisutstvija: Chego ne mozhet peredat' znachenie. M., 2006.
5. *Kara-Murza S. G.* Manipuljatsija soznaniem. M., 2000.
6. *Lemish D.* Zhertyvy ekrana: Vlijanie televidenija na razvitie detej. M., 2007.
7. *Lishaev S. A.* JEestetika Drugogo. SPb., 2008.
8. *Lotman Ju. M.* Semiotika kul'tury i ponjatie teksta // Izbrannye stat'i. T. 1. Tallin, 1992.
9. *Mazin V. A.* Snovidenija kino i psihoanaliza. SPb., 2007.
10. *Majers D.* Sotsial'naja psihologija. SPb., 2002.
11. *Mihajlova M. V.* Bratstvo Knigi // Estetika i etika v izmenjajuschemsja mire. SPb., 2009.
12. *Paclaf R.* Zastyvshij vzgljad: Fiziologicheskoe vozdejstvie televidenija na razvitie detej. M., 2003.
13. *Pennak D.* Kak roman. M., 2005.
14. *Pigrov K. S., Mihajlova M. V.* Filosofija televidenija // Sajt radio «Grad Petrov»: Arhiv luchshih pere-dach. URL: <http://www.grad-petrov.ru/archive.phtml?subj=17> (data obrawenija 21.02.2011).
15. *Riker P.* Vremja i rasskaz. M.; SPb., 1999.
16. *Singer Dzh. i D.* Igra so vseh storon. M., 2003.
17. *Harris R.* Psihologija massovyh kommunikatsij. M., 2002.
18. *Gerbner G., Gross L.* Living with Television: The Violence Profile // Journal of Communication. 1976. № 26.
19. *Thomas G.* Medien — Ritual — Religion: Zur religiosen Funktion des Fernsehens. Frankfurt/M., 1998.

I. M. Суворова

КАРТИНА МИРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Целенаправленное формирование целостной картины мира учащегося в процессе познания онтологически связано со становлением личности и ориентацией на нравственные и эстетические ценности. В процессе формирования эстетической картины мира учащегося в условиях культуротворческой школы наблюдается трансформация ценностных ориентаций как целевой, так и программной направленности, что свидетельствует о качественных изменениях самой структуры ценностей.

Ключевые слова: картина мира, эстетические и нравственные ценности, модель культуротворческой школы, психолого-педагогический эксперимент.

I. Suvorova

WORLD PICTURE AS A PREREQUISITE OF VALUE ORIENTATIONS DEVELOPMENT IN THE CONTEMPORARY SCHOOL EDUCATION

The development of a wholesome world picture of pupils in the process of cognition is connected with the development of the person and the orientation to moral and esthetic values. A transformation of value orientations has been traced in the process of development of the esthetic